

О. АБРАМОВИЧ

Экономические взгляды В. В. Берви-Флеровского (1829–1918)

В. В. Берви-Флеровский — одна из колоритнейших литературно-политических фигур 70-х — 80-х гг. Человек многообразных интересов — экономист, социолог, публицист, философ, — Флеровский пронизывал свои произведения *жгучей ненавистью* к помещикам, капиталистам и чиновникам, как писал Маркс в своем письме к Энгельсу по поводу основного труда Флеровского «Положение рабочего класса в России». Эта *жгучая ненависть* к эксплуататорам и глубочайшее сочувствие к рабочим и крестьянам, обездоленным и угнетаемым всем социально-политическим строем на перевале от помещичье-крепостной России к буржуазно-дворянской, создали Флеровскому огромную популярность. По свидетельству современников, книга Флеровского по влиянию на молодежь не уступала известным «Историческим письмам» Миртова-Лаврова. В значительной степени под влиянием произведений Флеровского формировалось, по свидетельству известного деятеля революционно-народнического движения Аптекмана, мировоззрение революционной молодежи 70-х гг. «Флеровский, — рассказывает Аптекман, — всецело владел нами как “учитель жизни”, как один из благороднейших друзей народа, как талантливый писатель и благородный мыслитель, — одним словом, как друг-писатель молодежи. В истории нашего движения в народ Берви сыграл выдающуюся роль и как писатель, и как личность». <...>

Жизнь Флеровского — неустанная борьба с гнетом, насилием и эксплуатацией. Начинает он эту борьбу с наивного письма к Александру II, в котором негодует по поводу того, что студенче-

скую демонстрацию в Петербурге полиция разогнала нагайками и прикладами, а руководителей арестовала (1861 г.). Призыв к «гуманности» «царя-освободителя» имел своим последствием занесение Флеровского в списки «неблагонадежных» и недопущение его к кафедре государственного права, предложенной ему до письма. В следующем году он вновь обращается к царю с письмом, но уже с письмом-протестом против ареста мировых посредников Тверской губернии¹, которые, выполняя решение тверского дворянства, разослали по волостям циркуляр с извещением, что впредь уставные грамоты* будут писаться не иначе, как с предоставлением крестьянам права собственности на отводимые им наделы. Вместе с тем Флеровский обратился с письмом к русскому дворянству и письменно ознакомил с событием английского посла. Протестанта упрятали в дом для умалишенных и затем сослали в Астрахань. С того времени ссылка сменяется тюрьмой, тюрьма ссылкой: 1863 г. — Казанская тюрьма, 1864 г. — ссылка в Кузнецк, 1866 г. — ссылка в Вологду, 1868 г. — перевод в Тверь под надзор полиции, 1872 г. — арест и ссылка снова в Кузнецк и т. д., и т. д. Только в 1893 г. он получает возможность уехать за границу, откуда спустя три года возвращается в Россию и поступает на службу бухгалтером в Юзовке. Последние 7–8 лет своей жизни Флеровский был болен тяжким недугом, лишившим его возможности заниматься какой бы то ни было деятельностью.

Непрерывные гонения, которым подвергался Флеровский, вызывались его участием в революционных организациях — он был близок к кружку чайковцев, к долгушинцам. Тюрьма и ссылка не сломили его стойкости. Куда бы ни загоняла его полиция, он всюду вел — на базарах, среди крестьянства, у себя на квартире — пламенную агитацию, направленную против неслыханной эксплуатации и угнетения. В ссылке же он написал и два крупных своих труда: «Положение рабочего класса в России» (1869 г.) и «Азбуку социальных наук» (1871 г.), создавшие автору широкую популярность не только в России, но и за пределами ее. Чайковцы и долгушинцы, по поручению которых Флеровский пишет некоторые свои книги («Азбука

* Письменные акты, которыми определялись для каждого имения новые отношения между помещиками и крестьянами после 19 февраля 1861 г. и размеры повинностей крестьян. Уставные грамоты составлялись помещиками и специальными должностными лицами из дворян — мировыми посредниками.

социальных наук» — по предложению чайковцев, «Как должно жить по законам природы и правды» — по предложению долгушинцев), усиленно распространяют произведения писателя, и они становятся настольными книгами революционной молодежи. Кроме указанных книг, перу Флеровского принадлежит ряд других трудов: «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» (1869 г.), «Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина» (1878 г.), «Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III» (Лондон 1897 г.). В 1904 г. он напечатал свою «Критику идей естествознания». Другие его произведения появились в журналах «Дело» (за подписью Навалихин), «Отечественные записки», «Слово» и «Неделя».

* * *

Экономические взгляды Флеровского сформулированы, главным образом, в его исследовании «Положение рабочего класса в России». Появление этой книги было в свое время крупным событием не только в русской литературе. Маркс, ознакомившись с книгой, писал 10 февраля 1870 г. Энгельсу: «Это самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о “Положении рабочего класса в Англии”^{*}. Ссылки на работу Флеровского мы находим в «Развитии капитализма в России» Ленина.

Рассматривая книгу Флеровского, нужно иметь в виду, что под понятием «рабочий класс» он разумеет рабочего и крестьянина, кустаря и ремесленника, всех работников физического труда тогдашней России.

При всей большой ценности книги Флеровского в ней имеется немало теоретических наивностей. Но для своего исследования Флеровский собрал громадный фактический и статистический материал, много личных наблюдений. Для того чтобы сделать свои выводы о сибирском земледельце, вологодском крестьянине или крестьянине степной полосы между Уралом и Волгой, он упорно изучал каждый район по губерниям, уездам и даже волостям.

Основной объект изучения Флеровского — сельское хозяйство и его производитель — крестьянин. Фабричное производство рассматривается автором как подсобное по отношению к сельскому хозяйству.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. XXIV, стр. 287.

Флеровский описывает в своем «Положении» жизнь и труд уральских горнорабочих кустарных промыслов, рабочих сибирских золотых приисков, отхожих промыслов и т. д. Рисуя жестокую эксплуатацию рабочих, автор приходит к заключению, «что современный порядок, при котором произведения фабрик и заводов принадлежат одному капиталисту, в высшей степени убыточен для рабочих. Общество должно сделать все, что от него зависит, чтобы поставить работника по отношению к капиталисту в такое положение, при котором бы он не соглашался быть наемником» (стр. 288). «Наем на фабрики и промыслы заменил собой рабство: это отношение не окончательное, а составляющее для работника только одну ступень выше крепостного труда; настанет время, когда наем будет воспрещен, как воспрещено рабство» (стр. 289).

Несмотря на то, что теоретические представления Флеровского о взаимоотношении между трудом и капиталом более чем примитивны, тем не менее его выводы любопытны. Автор думает, что выходом из системы наемного труда и эксплуатации является создание товариществ между рабочими и нанимателями. Он прямо заявляет: «Рабство уничтожено и уступило свое место найму — наем должен уступить товариществу. Между трудом и экономией должно быть равенство, между работниками и капиталистом — товарищество» (стр. 295). «Между капиталистом, устраивающим фабрику, и его компаньонами нет никакого ожесточения, точно так же не было бы никакого ожесточения между фабричными рабочими и их компаньоном, капиталистом» (стр. 300).

В таком разрешении вопроса сказывается сильное влияние на Флеровского идей Прудона.

При чтении этих высказываний Флеровского о «товариществах» между рабочими и капиталистами Маркс на полях замечает: «Die alte Illusion» (старая иллюзия), в другом месте по этому же вопросу Маркс отмечает на полях: «Das ist die Grundsauce von Prudhon» (это квинтэссенция прудонизма), а против слов: «Рабство уничтожено и уступило место найму — наем должен уступить место товариществу» Маркс вставляет: «Nonsense» (бессмыслица).

Флеровский не понимал подлинных основ и действительной роли классовой борьбы; но наряду с этим нужно отметить наличие у него еще в те годы зародыша понимания сути наемного

рабства. А правильную оценку исторических взглядов можно дать лишь в историческом аспекте, с учетом состояния тогдашней русской экономической мысли. Последняя в этом периоде была настолько бедна, что даже слабые попытки нащупать классовые противоречия, которые мы встречаем у Флеровского, не могут не получить положительной оценки.

Капиталисты не работают, они только страхуют промышленные предприятия, имеющиеся в их руках действительные ценности. За такое страхование капиталист, по мнению Флеровского, имеет право на страховую премию или процент на капитал, но он не может предъявлять никаких притязаний на барыши. «Все, что произведено моим трудом, — моё», — восклицает автор.

Это, конечно, старая утопическая песня о праве на полный продукт труда, которая так жестоко осмеяна классиками марксизма. Но интересно, что Флеровский настолько утопичен, что допускает возможность запрещения наемного труда при наличии капиталистов. Маркс по этому поводу замечает: «Schöne Fantasie — Verbot der Lohnarbeit und Erlaubnisse der Kapitalisten» (чудесная фантазия — запрещение наемного труда с сохранением капиталистов).

Флеровский выступает ярким противником капиталистической собственности и горячим сторонником мелкой собственности. Он даже уверяет, что капиталистическая собственность мешает развитию производительных сил. <...>

Флеровский не понимал, что мелкая частная собственность в силу внутренних законов своего развития неизбежно должна вытесняться капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужого труда.

Флеровский — мечтатель, его чувства не могли примириться с неслыханными издержками процесса превращения мелкой частной собственности в частнокапиталистическую собственность. Он не мог примириться с тем, что у него на глазах идет процесс уничтожения мелкого производства, превращения индивидуальных и раздробленных средств производства в обществленно-концентрированное производство, превращения карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприации у широких народных масс земли, средств существования, орудий труда и т. д.

<...> Автор добросовестно, основываясь на множестве фактов и цифр, показывает, что распространенное в то время среди эксплуататорских классов мнение, что «у нас не то, что в Западной Европе, у нас народ благоденствует», является выдумкой, которую муссируют царские чиновники и «благодушные» экономисты. Ознакомление с тогдашней действительностью показало автору, насколько ложен этот казенный оптимизм. Массы стонали под тяжестью налогов. Налоговая система была многообразна и запутана. Здесь и подушный налог, и оброчный, и общественный (с государственных крестьян), и государственный земский сбор, и рекрутский сбор, и паспортный сбор и т. д., и т. д.

Все налоги взыскивались с ревизской души, т. е. все эти налоги лежали на трудящихся. На них же падала и основная тяжесть косвенных налогов. Налоги с крестьянства и рабочего класса составляли больше 2/3 всего государственного бюджета. Если принять в расчет целый ряд других налогов, не вошедших в приведенный перечень, то можно сказать, что государственный бюджет того времени (1862–1865 гг.) больше чем на 3/4 состоял из поступлений от трудящихся. <...>

Крестьянин, как только переходил в купечество, освобождался от всяких повинностей, отбываемых крестьянами, а самые налоги приобретали совершенно иную форму и иное «содержание».

Время налогов на трудящихся в эту пору (1860–1870 гг.) намного превосходило налоги в Западной Европе. По данным той же комиссии, в 1862 г. в Англии с высших классов взималось 52% всех налогов, с низших — 40%, во Франции с высших классов — 49%, с низших — 30%.

Это одно, даже без учета колоссальной разницы в зарплате, говорит о том, как много оснований имели «патриоты» тогдашней России потирать от удовольствия руки и уверять, что, мол, в России «не то, что на Западе». Там, мол, нищенство и пауперизм, а у нас якобы нет пролетария, у нас есть только крестьянин, имеющий свое хозяйство, и т. д. Короче, у нас рай. Этот «русский оптимизм» (Маркс) Флеровский вдребезги разбил собранными им цифрами и фактами, он разоблачил истинную природу «рая» — миф, который создали чиновники, чтобы еще туже завинтить пресс эксплуатации и угнетения.

Громадные налоги на трудящихся еще более суживали и без того нищенский бюджет крестьянина и рабочего.

Анализируя бюджет сибирского крестьянина, Флеровский рисует во всей наготе голодное существование деревни. <...>

Ярко показывает автор, как, несмотря на грандиозные сибирские просторы и благоприятную почву, господствовала там беспросветная нищета. Апатия охватила все живое. «Как будто бы все считало себя безнадежно погибшим». «В избе, как в тюрьме, вечный полумрак».

Положение крестьянских ребят ужасающее: босые зимой и летом, крестьянские дети массами вымирают от голода и холода. Крестьянин подвергается телесным наказаниям. «Подати не могут быть взыскиваемы иначе, как с помощью телесных наказаний». Будучи жертвой унижения, крестьянин в свою очередь держит в таком же рабстве свою жену и детей, насаждает и поддерживает в них раболепие перед отцом, перед помещиком, чиновником.

Истожала крестьянина и помещичья эксплуатация. «Общество, — говорит Флеровский, — должно убедиться, что самая святая и неприкосновенная вещь — это право собственности труда над его произведениями; оно должно проникнуться той мыслью, что право собственности только для того и существует, чтобы охранять труд. Всякий раз, когда право собственности вырывает из рук производителя произведенную им вещь и уменьшает его доход, оно должно быть отменено и уничтожено» (стр. 130).

На результатах обследования крестьянских хозяйств Флеровский показывает, что крестьяне, работая на помещичьих землях, получали только 37% стоимости, полученной от своих трудов. <...>

На основе статистического материала Флеровский дает анализ по 36 губерниям Европейской России. Флеровский показывает, что обнищание и неслыханные размеры смертности прямо пропорциональны размерам крупных помещичьих землевладений. Где много помещиков, где им живется привольно, там особенно остра крестьянская нищета, там особенно велики цифры смертности. Где больше помещичьих владений, там наиминимальные цифры рождаемости.

Средняя смертность во всей России в 60–70-х гг. была 1 на 28 жителей. В отдельных губерниях умирало 1 на 18 жителей (Пермская) и даже один на 10. Характерно, что среди малоземельных губерний, где всего меньше было распространено крупное землевладение, не было ни одной, где смертность поднялась бы до 1 на 10. <...>

Флеровский сравнивает малоземельные губернии черноземной полосы, Калужскую, Курскую, Орловскую, Рязанскую и Тульскую, и на основе цифровых данных приходит опять-таки к тому же заключению, что там, где меньше всего помещиков, даже при наличии малоземелья, жизнь крестьян относительно более сносна и смертность ниже, нежели там, где имеется крупное землевладение. Автор группирует крупное и мелкое землевладение по отдельным уездам и приходит к тем же выводам.

«Не будь у нас помещичьих земель, — чрезвычайно просто разрешает проблему Флеровский, — мы пользовались бы таким же благоденствием (?! — О. А.), как Западная Европа» (стр. 200).

«Если бы вы знали, как трудно есть все один черный хлеб, — говорили Флеровскому крестьяне, — есть и думать, не слишком ли я много съел, чтобы хватило на завтра». «Когда я перечитывал им изображение их несчастья, — рассказывает автор, — они начинали плакать» «Это все, все правда, что тут написано, — говорили они, — каждое слово тут верно поставлено». Со слезами и с увлечением начинали рассказывать, как им приходилось голодать, закладывая свои вещи, как священник собирал с них хлеб и потом им же продавал его в долг по рублю за пуд в то время, когда пуд стоит шестьдесят пять или семьдесят копеек» (стр. 202).

Флеровский считал своим долгом всюду и везде открывать глаза трудящимся на их ужасающее положение.

«Этот несчастный человек, — негодует Флеровский, — которого все несчастье заключается в том, что он слишком много думает о том, как бы трудиться, и слишком мало о том, как бы защищаться от притеснения, обвиняется в лени» (стр. 192).

Общий вывод Флеровского таков: «Ничто не имело для нашего отечества таких громадных и таких пагубных последствий, как почти исключительное водворение в нем крупной поземельной собственности» (стр. 193).

Флеровский не понимал естественно-исторических закономерностей. Как утопист он думал, что все плохое в общественном устройстве и в экономической жизни объясняется исключительно неразумностью человеческих желаний и действий. «При обсуждении всякого социального явления мы не должны забывать ни на одну минуту, что мы имеем дело не с механическим аппаратом, а с живыми людьми. Тут все зависит от чувств этих

людей и их взглядов на вещи. Если наши кулаки, обирающие народ под всеми возможными предлогами и на всех стезях его непрерывного и неблагодарного труда, если эти дикие и полудикие эксплуататоры не проникнутся более гуманными чувствами к ближнему и более светлыми понятиями о великом значении народного труда и его права на должное вознаграждение, то среди такого общества рабочему населению, живущему в трудных обстоятельствах, нечего ждать: оно будет беднеть, хиреть и вырождаться» (стр. 119).

Отбросить это «плохое» должны сами носители этого плохого, т. е. прежде всего капиталисты. Флеровский думает убедить этих людей, что ради их собственных интересов нужно не гнаться за роскошью и богатством, ибо стремление к непрерывному росту их основано якобы на неразумном чувстве.

Эти и подобные положения Флеровского и вызвали в положительной, как мы видели, оценке, данной Марксом его книге, оговорку: «Кое-где имеется небольшая доза благодушной чепухи».

Остановимся вкратце на том, как Флеровский рисовал положение в России того времени рабочих и ремесленников.

Автор показывает, что развитие фабричной промышленности не только не привело к улучшению экономического положения населения, но, наоборот, усилило нищету на одном полюсе и увеличило богатство на другом. <...>

Флеровский говорит: «Капиталист имеет право на ценность своего капитала, и только; пока он им не рискует, он не должен получать ни копейки более» (стр. 312).

Итак, капиталист не имеет права на прибыль, — он имеет право получить только процент на свой капитал, если он рискует им. Поскольку, однако, капиталист не ограничивается процентом на капитал, а забирает себе все, что остается после произведенных им расходов, он вместе с государством и помещиком участвует в ограблении рабочих, содействует их обнищанию. Поэтому Флеровский устанавливает три причины нищеты и обездоленности масс в промышленных городах и районах: налоги, крупная земельная собственность и развитие промышленности.

Роль налогов и крупной земельной собственности в низведении жизни рабочего до нищенства та же, что и в обездолении крестьянства. Об этом речь шла выше. Что же касается развития промышленности, то его Флеровский считает еще большим злом,

нежели крупное землевладение. «Губернии с развитой промышленностью, — говорит он, — оказываются в самом жалком положении по сравнению их не только с теми частями России, где всего менее частных земель, но и с теми, где их всего более. Свалить всю беду на частные земли тут уже невозможно» (стр. 343).

Автор сравнивает смертность в старой России и за границей и показывает, что в то время как во Франции умирал 1 на 70, наилучший показатель смертности в наших промышленных губерниях была цифра 1 на 27.

«Промышленность, — говорит Флеровский, — этот источник благосостояния и счастья для народов, делается у нас бичом, который заколачивает в гроб, бедствием, с которым не могут сравниться ни чума, ни холера» (стр. 346).

Флеровский идеализирует положение английских рабочих и крестьян. «Европа удивлялась богатствам Англии и приписывала их ее аристократии и ее капиталистам, не понимая, что Англия потому именно и богата, что английская аристократия и английские капиталисты относительно и малочисленнее и беднее других» (стр. 217). Немного выше он пишет: «Землевладелец (в Англии. — О. А.) боялся притеснять работника, ему страшно было вывести его из терпения».

Флеровский плохо был знаком с английской экономической действительностью, ибо в противном случае ему пришлось бы признать, что «лэндлорды обогащаются, так сказать, во время сна, ничего не делая, ничем не рискуя, ничего не сберегая» (Джон Милль). Он не знал, что с 1800 по 1852 г. доходы английских лэндлордов удвоились: в 1800 г. они составляли 22500 тыс. фунтов стерлингов, а в 1852 г. — 41118 тыс. фунтов стерлингов. Флеровский совершенно не принимал в расчет торговлю Англии в колониальных владениях. Как известно, только подкуп за счет сверхприбылей, полученных от усиленной эксплуатации колониальных рабочих, верхушки английского пролетариата, позволил последней относительно лучше устроить свои материальные дела.

«Работник получал в Англии, — повествует автор, — самую высокую заработную плату, капиталист — самый малый процент с капитала, и Англия сделалась самой богатой и промышленной страной в Европе» (стр. 217). И он приходит к заключению, что «благосостояние, промышленное развитие и просвещение страны прямо пропорциональны уменьшению доли, платимой рабочим классом высшим сословиям» (там же).

Флеровский совершенно не знал механизма и законов развития капиталистической Англии, он не знал, что доходы капиталистов могут расти и действительно растут все время, несмотря на то, что норма прибыли падает.

Маркс доказал, что масса доходов капиталистов определяется двумя факторами: во-первых, нормой прибыли, во-вторых, массой капитала, который применяется для получения такой нормы прибыли*.

Что касается более высокой зарплаты английских рабочих по сравнению с зарплатой русских рабочих 60-х гг., то это объясняется разной степенью развития в то время капитализма в Англии и России. Английские капиталисты получали более низкую норму прибыли, чем русские капиталисты того времени. Это верно, но английские капиталисты получали большую массу прибылей.

Богатство Англии не есть результат растущего благосостояния английских трудящихся, как думал Флеровский, а, напротив, оно неразрывно связано с обнищанием пролетариата Англии. Это богатство, находящееся в распоряжении буржуазии и ее государства, растет на основе усиления, а не ослабления эксплуатации и обнищания рабочего класса.

* * *

Через 10 лет после выхода в свет «Положения рабочего класса в России» Флеровский в статьях, напечатанных в «Отечественных записках» и «Русской мысли», излагает свою аграрную теорию**.

В этих статьях, как и в «Положении рабочего класса в России», Флеровский проводит ту мысль, что крупное помещичье землевладение хищнически истощает почву, в то время как общинная собственность обогащает ее. Еще хуже обстоит дело, по мнению Флеровского, с удельными землями, где распоряжаются чиновники. Крестьяне стремятся уйти оттуда, куда глаза глядят, уйти туда, «где царил наименее государственный из всех существ — медведь. Но, увы, административная птица залетает и туда».

* Маркс К. Капитал, т. III, изд. 1932 г., стр. 97.

** «Коренная нужда на севере и принцип государственного землевладения», «Отечественные записки» № 12 за 1879 г. «Наши великие экономические задачи», «Русская мысль», V кн., за 1881 г.

Наиболее благоприятным, считает Флеровский, положение бывших государственных крестьян, в руки которых перешли значительные участки еще до реформы 1861 г.

Свое отношение к этой реформе автор резюмирует кратко: «Бывшим крепостным продано было дорогой ценой в пользу помещиков имущество, принадлежащее не помещикам, а крестьянам, т. е. их усадьбы».

Трудовое крестьянство было поставлено землевладельцами и бюрократией в положение голода и нищенства. Обездоленность крестьянства доходила до крайних пределов. Какой же выход из этого видел Флеровский? Он на этот вопрос отвечает прямо: выхода нужно искать в «публичном праве на землю».

Идея публичного права на землю понималась Флеровским не только как признание земли общенародным достоянием, но в то же время как обеспечение трудового принципа пользования землей. В основе этого публичного права должна лежать общинная организация земельного хозяйства и всего строя сельского поселения.

Флеровский, по сути дела, ратует повсюду за осуществление путем реформ «социализации» земли посредством выкупа. В этих же целях он в своей статье «Коренная нужда на севере и принцип государственного землевладения» предлагает переход всего частного землевладения на государственно-мирское. Для этого он рекомендует государству скупить на средства государственного казначейства земли крупных собственников и передать их крестьянским обществам. Продажа земли в частные руки должна быть прекращена. Вся операция должна быть закончена в течение 40–50 лет.

Но Флеровский не отдавал себе отчета в том, что как раз то государство, которому он предлагал совершать эту операцию, было помещичьим государством, органически связанным с существовавшей земельной системой России. Провести реформу Флеровского означало бы для этого государства согласиться на акт самоуничтожения.

Флеровский также не отдавал себе отчета в том, что лозунг «социализации» не является социалистическим, что он отражает лишь наиболее радикальные требования буржуазии, что на практике он должен привести к усилению капиталистического развития, свободного от феодальных пут.

Флеровский в своей теории последователен: он выступает ярким противником внесившегося тогда предложения приобретения

крестьянами земли в кредит, он доказывает, что такой метод приобретения земли еще больше закабальет крестьян и еще больше пускает под откос сельское хозяйство.

Флеровский называл предлагавшуюся им земельную реформу «либеральной и никак не более». Действительно ли он считал принудительный выкуп государством всей помещичьей земли и передачу ее общинам не более как актом либерализма в условиях помещичьего самодержавия, или это было маневром легализации по существу революционной по тогдашним временам идеи, но одно несомненно: надеяться на практические результаты предложений Флеровского было утопией. Однако их агитационное значение несомненно.

Земля, говорит Флеровский, «ни в коем случае не должна служить богадельней, обязанной содержать с приличной роскошью всех денежных лежебоков и давать возможность всем проходам-дельцам воспитывать потомство, окончательно ни к чему другому неспособное, кроме постепенной передачи своих земель в руки ростовщиков, в свою же очередь производящих таких же беспутных сынков» («Наши великие экономические задачи», стр. 101). Флеровский считает, что нельзя превращать «землю в богадельню даже по отношению к рабочему пролетариату». «Какое варварство сваливать бедного (рабочего. — О. А.) с плеч фабрики на плечи земли» (там же).

Общий вывод Флеровского: «Крестьянская община не должна уничтожаться в пользу всеобщей: она должна оставаться крестьянской и может сливаться разве только с рабочей» (там же).

Исходя из этой реформы, автор выдвигает положение о государственной ренте. «Те государства, — говорит он, — которым удастся сохранить ренту для общественного употребления, обратив землю в общинное владение, неизбежно должны со временем взять верх над теми, у которых земля находится в частной собственности». Следовательно, заключает он, «путь, который обеспечивает будущему государству наибольшее процветание, есть путь государственной поземельной ренты и общинного владения» (там же).

Итак, Флеровский считал лучшей формой аграрного строя общинное землепользование. Это экономическое устройство должно, по мнению Флеровского, охватить всю страну. Причем государство не должно вмешиваться в организацию этого

строю — сами ассоциации прекрасно себя устроят. В промышленности формой производства должны быть артели или «товарищества».

Флеровский все это не называет словом «социализм», но по существу это и есть мелкобуржуазный народнический социализм 70-х гг., социализм Ткачёва и других.

Вот почему аргументы Энгельса, направленные против Ткачёва, могут быть приняты нами как критическая оценка и позиций Флеровского. <...>

Народники 70-х годов и их эпигоны еще в 90-х гг. все еще надеялись на то, что кто-то может остановить наступление капитализма на общину, что Россия каким-то чудом сможет избежать капиталистической стадии своего развития. «Никакие особенности землевладения, — писал Ленин в 1899 г., — не могут, по самой сущности дела, составить непреодолимые препятствия для капитализма, который принимает различные формы, смотря по различным сельскохозяйственным, юридическим и бытовым условиям. Отсюда можно видеть, как неправильна была самая постановка вопроса у наших народников, которые создали целую литературу на тему “община или капитализм?”... «Доброму народнику и в голову не приходило, что покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев»*.

Народники мечтали о том, что Россия перескочит к социалистическому общественному строю непосредственно от общины и промышленной артели. История показала, что социалистическая революция в России развилась вовсе не из артельной формы хозяйства и общинного землепользования, а из условий империалистической России, дошедшей исторически до высшей стадии развития капитализма.

* * *

Чрезвычайно характерно для целой полосы интеллигентских переживаний того времени то обстоятельство, что Флеровский, проведший значительную часть своей жизни в тюрьмах и ссылке, человек, писавший книги по поручению революционных организаций, писатель, книги которого внушали отвращение

* Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Собр. соч., т. III, стр. 247–248.

и ненависть к эксплуататорскому строю и воспламеняли революционную энергию, объявлял себя сторонником мирного пути развития, считал, что решающее в устройстве общественной жизни принадлежит только личности. Он думал, например, что если бы вместо Александра II царем России в 1855 г. стала крупная личность, личность большого ума, человек, понявший, чего требуют интересы общественного развития, он провел бы в России такую социальную систему, которая явилась бы образцом социального устройства для всего мира. Такая «благодущная чепуха» в сочинениях Флеровского встречается, но нельзя отрицать революционной роли, сыгранной им в общественном движении того времени. <...>

